

СОЦИОЛОГИЯ МИГРАЦИИ

КОМПОНЕНТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ПРЕДИКТОРЫ АНТИИММИГРАНТСКИХ УСТАНОВОК В ЕВРОПЕ: АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ ISSP

Семен Олегович Парвадов (sparvadov@eu.spb.ru)

Европейский университет в Санкт-Петербурге (ЕУСПб), Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Парвадов С.О. (2024) Компоненты национальной идентичности как предикторы антииммигрантских установок в Европе: анализ на основе данных ISSP. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(4): 149–178.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.4.6> EDN: KVSHOX

Аннотация. Рассматривается вопрос, как компоненты национальной идентичности связаны с антииммигрантскими установками в европейских странах на индивидуальном уровне. Исследовательская литература по антииммигрантским установкам была разделена на материальные и символические объяснения восприятия групповых угроз. В формировании воспринимаемых материальных угроз рассматривалась роль субъективного социально-экономического положения, профессиональной квалификации и образования, защищенности на рынке труда. В рамках теории символической угрозы представлена национальная идентичность, которая концептуально проанализирована через гражданско-этническую дихотомию и по сравнительному критерию национальной гордости. Исходя из теоретических оснований были выдвинуты гипотезы, протестированные на трех волнах опросных данных из 20 европейских стран (общий объем выборки N=30746) Международной программы социальных исследований (ISSP 1995-2003-2013). Для подготовки предикторов был осуществлен многогрупповой конфирматорный факторный анализ, в результате которого выделены четыре компонента национальной идентичности. Зависимая переменная «антииммигрантские установки» была сконструирована аналогичным образом. Основным методом анализа выступило многогрупповое моделирование структурными уравнениями. Во всех трех волнах политический патриотизм, экономическая защищенность и уровень образования респондента оказались отрицательно связаны с антииммигрантскими установками. Этнический и слепой национализм продемонстрировал положительную связь с целевым признаком. Культурный патриотизм показал положительную связь с зависимой переменной для 1995 и 2003 гг. и статистическую незначимость для 2013 г. Установлена метрическая инвариантность, что свидетельствует о межгрупповой валидности результатов во времени. Компоненты национальной идентичности продемонстрировали большой объяснительный потенциал в сравнении с социоэкономическими характеристиками респондентов, что свидетельствует в поддержку теории символической угрозы.

Ключевые слова: миграция, антииммигрантские установки, национальная идентичность, теория символической угрозы, теория материальной угрозы, моделирование структурными уравнениями, Международная программа социальных исследований.

Введение

В настоящее время в Европе вновь наблюдается увеличение иммиграционного потока¹ и рост антииммигрантских настроений (Bauer, Hannover 2020; Baláž, Nežinský, Williams 2021).

По сообщениям Агентства ЕС по безопасности внешних границ, число выявлений незаконного пересечения границы в 2023 г. сопоставимо с разгаром «миграционного кризиса» 2015–2016 гг. (около 330 тыс.). Наиболее загруженными маршрутами стали западноафриканский (число прибывших удвоилось по сравнению с прошлым годом — около 28 тыс.) и центрально-средиземноморский (около 144 тыс. — самый высокий показатель с 2016 г.)². Также увеличился поток и легальных иммигрантов. Например, на апрель 2024 г. статус временной защиты получили около 4,2 млн украинских беженцев³.

Усиление иммиграционного потока и антииммигрантских установок в Европе приводит к поддержке правопопулистских сил и росту неонационализма — антиглобалистского националистического подмножества. Оно затрагивает поддержание устоявшихся, но представляемых как находящихся под угрозой национальных границ через нативистские дискурсы (Guia 2016) и социальную эксклюзию (Eger, Valdez 2015; 2019). Радикальные партии активно используют неонационалистическую риторику для мобилизации «проигравших» от глобализации как по экономическим, так и по культурным основаниям (Höglinger et al. 2012) для достижения своих электоральных целей на национальных и на европейском уровне (Bauer, Hannover 2020), что усиливает радикализацию общества в целом (Cutts, Ford, Goodwin 2011).

---

¹ В 2022 г. в ЕС въехало на 117 % больше иммигрантов, чем в 2021 г. (около 5,1 млн). См.: Migration and migrant population statistics [https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Migration_and_migrant_population_statistics] (дата обращения: 13.06.2024).

² Record arrivals on Western African route in October [<https://www.frontex.europa.eu/media-centre/news/news-release/record-arrivals-on-western-african-route-in-october-uNCHfO>] (дата обращения: 13.06.2024).

³ Temporary protection for persons fleeing Ukraine — monthly statistics [https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Temporary_protection_for_persons_fleeing_Ukraine_-_monthly_statistics] (дата обращения: 14.06.2024).

Рост националистических и нативистских настроений в Европе, базирующихся на восприятии групповых угроз, исходящих от аут-групп, подталкивает обратить более пристальное внимание на национальную идентичность «как чувство принадлежности к стране» (Grigoryan 2014: 2) в качестве предиктора антииммигрантских установок (см., например: Heath, Richards 2019), которому прежде отводилось меньше места, чем политэкономическим объяснениям (Indelicato, Martín 2024).

Исследовательский вопрос статьи заключается в том, чтобы выяснить, как национальная идентичность связана с антииммигрантскими установками в европейских странах на индивидуальном уровне. Вкладом исследования в существующую научную дискуссию стало выявление структуры национальной идентичности в европейских странах и сравнение объяснительного потенциала компонентов национальной идентичности с социоэкономическими предикторами антииммигрантских установок.

Теоретические основания исследования

Отправной точкой изучения предрассудков и предубежденности между группами можно полагать теоретическую работу Г. Блумера (Blumer 1958). Ключевой тезис заключается в том, что расовая предубежденность является следствием относительной групповой позиции. Расовые предрассудки, во-первых, предполагают расовую групповую идентификацию, а во-вторых, формируются посредством взаимоотношений между разными расовыми группами. Иными словами, коллективные представления о своей и чужих группах являются результатом межгруппового опыта и носят динамичный характер. Ключевым аспектом в формировании расовых предрассудков Блумер видит страх утраты превосходства в сферах групповой исключительности доминирующей группы в результате действий внешних групп. Чувство групповой позиции (представления доминирующей группы о своем положении относительно внешней группы) «обеспечивает доминирующую группу рамками восприятия, стандартами суждений, моделями чувствительности и эмоциональными склонностями» (Blumer 1958: 4).

Описанный механизм связи предрассудков и воспринимаемой угрозы стал впоследствии основанием для формулировки теории групповых угроз, которая является основной теоретической рамкой работы.

Предрассудки в рамках данной традиции рассматриваются как коллективный процесс и как «защитная реакция против явных или неявных вызовов исключительным притязаниям доминирующей группы на привилегии» (Quillian 1995: 588). В рамках теории групповых угроз можно выделить два ключевых направления. Теория реального конфликта пред-

полагает, что внешние группы могут представлять угрозу доминирующей группе в терминах игры с нулевой суммой за ограниченные ресурсы, политико-экономическое влияние и материальное благосостояние (LeVine, Campbell 1972; Bobo 1983; Sears, Funk 1991). Согласно теории социальной идентичности, нация/раса как «воображаемые сообщества» (Андерсон 2016) выступают первичными социальными идентичностями, через определение которых формируются представления о «своей» группе и разделяемых морально-нравственных ценностях, убеждениях и нормах поведения. Мировоззренческая «инаковость» «чужих» групп, в свою очередь, воспринимается как угроза (Tajfel, Turner 1986; Branscombe, Wann 1994). При этом вне зависимости от характера угроз (материальная или символическая) ключевым аспектом представляется их восприятие, т.е. коллективное ощущение того, что доминирующей группе угрожает опасность со стороны внешних групп.

Таким образом, антииммигрантские установки в настоящем исследовании рассматриваются как негативная реакция принимающего населения вследствие воспринимаемых угроз со стороны иммигрантов. Иммигранты представляются как внешняя группа, оспаривающая исключительное право собственности принимающего населения как доминирующей группы на аспекты общества и располагаемые ресурсы в широком смысле (Якимова 2017).

Говоря о детерминантах антииммигрантских установок в рамках теории групповых угроз, можно выделить экономические и социокультурные факторы, что базируется на логике восприятия материальной и символической угроз соответственно (Ceobanu, Escandell 2010; Монусова 2021).

В качестве экономических детерминант исследователями выделяется в первую очередь квалификация рабочей силы. Индивиды демонстрируют более проиммигрантские позиции, если обладают чувством превосходства касательно собственных индивидуальных навыков, и обратно (Mayda 2006). Также менее квалифицированные рабочие, кроме ощущения угрозы со стороны иммигрантов в результате увеличения конкуренции на рынке труда, склонны приписывать «поглощение» иммиграционного потока национальной экономикой за счет снижения заработной платы для принимающего населения (Scheve, Slaughter 2001). Низкоквалифицированным рабочим приписывается негативное отношение к иммигрантам вне зависимости от компетенций, в то время как высококвалифицированные рабочие представляются настроенными враждебно только к иммигрантам со схожими профессиональными навыками (Mellon 2019).

Другой важной детерминантой антииммигрантских установок выделяется степень защищенности на рабочем месте. Под защищенностью

в данном случае понимаются инвестиции в человеческий капитал, ориентация на определенные рабочие места, государственное регулирование рынка труда в целом, что характерно для координированных рыночных экономик. Люди, обладающие более «защищенным» статусом занятости, склонны лучше относиться к иммигрантам, и, наоборот, экономическая незащищенность и уязвимость на рынке труда (что является отличительной чертой либеральных рыночных экономик) с учетом национального экономического контекста (например, рецессии) способствуют антииммигрантским установкам (Ortega, Polavieja 2012; Kevins, Lightman 2020; Melcher 2020).

Еще один фактор, определяющий отношение к иммигрантам, — уровень индивидуального благосостояния. Высокий доход ведет к снижению обеспокоенности экономическим соперничеством, что, в свою очередь, может смягчить ощущение угрозы со стороны внешних групп (O'Connell 2005; Мукомель 2017). Доход, профессия и образование в значительной степени определяют социальное положение индивида, от чего зависит его социальный статус, т.е. «относительное положение в своей группе по сравнению с другими группами в данной социальной системе» (Kürper, Wolf, Zick 2010). При этом есть эмпирические свидетельства, демонстрирующие, что субъективный социальный статус, т.е. степень удовлетворенности материальным положением и жизнью в целом, в большей степени предсказывают отношение к иммигрантам, чем объективный показатель дохода (Gidron, Hall 2017).

Таким образом, экономическая защищенность, которая выражается прежде всего в уровне профессиональной квалификации, положении на рынке труда и субъективном благополучии, способствует восприятию материальной угрозы со стороны иммигрантов (Монусова 2021). Тяжелое экономическое положение, обусловленное как индивидуальными (низкая квалификация, уязвимый статус занятости, субъективное ощущение бедности), так и структурными (безработица, низкий экономический рост) факторами (Miller 2012), подталкивает принимающее население воспринимать культурное разнообразие как материальную угрозу (Quillian 1995), в то время как экономическое благополучие способствует установлению и расширению межгрупповых контактов (Semyonov, Glikman 2009). В связи с вышесказанным, можно предположить, что:

Н1. Чем выше уровень экономической защищенности индивида, тем слабее его антииммигрантские установки.

Согласно теории символической угрозы, механизм формирования антииммигрантских установок базируется на конструировании страха утраты идентичности в рамках единой этнокультурной общности при-

нимающего населения (Hjern 2007; Ben-Nun Bloom, Arikian, Lahav 2015). Одной из основных детерминант, связанных с данным теоретическим объяснением, является национальная идентичность. Однако не до конца ясным остается ее предиктивная составляющая. С одной стороны, национальная идентичность в целом представляет «всепроницающее чувство субъективной привязанности к нации» (Huddy, Khatib 2007: 65) и не связана с конкретным отношением к иммигрантам. С другой стороны, конкретные компоненты национальной идентичности могут оказывать различное влияние на антииммигрантские установки.

Исследовательскую литературу по проявлению национальной идентичности в общественном мнении, во-первых, можно разделить по гражданско-этнической дихотомии. Также основанием классификации подобных исследований может выступить сравнительный критерий национальной гордости.

Как отмечает М. Фабрикант, этнический национализм подчеркивает предписанные и врожденные категории общности. Акцент делается на биологическом происхождении, родословной, языковой общности, следовании обычаям и традициям. Гражданский национализм, в свою очередь, обращается к лояльности к общим государственным институтам, смещая акцент с культурно-этнической общности на гордость за достижения в социально-экономической и политической сферах (Fabrykant 2018). Например, Е. Давидов на основе данных Международной программы социальных исследований (далее — ISSP) выделил две конструкции национальной идентичности: национализм и конструктивный патриотизм. При этом исследователь отмечает, что элементы, предназначенные для измерения одной конструкции, могут измерять и другую, что говорит о межстрановом различии в структурах национальной идентичности (Davidov 2009).

Данная дихотомия приписывает «западному» гражданскому национализму положительные черты, а «восточному» этническому — отрицательные (Jutilla 2009). Несмотря на стереотип об этническом основании национализма в Восточной и Центральной Европе (Ariely 2013), основанном на исторической национальной консолидации «малых народов» до обретения государственности в контексте противостояния имперским центрам (Hroch 1985), результаты некоторых исследований показывают, что, в частности, в странах Балтии превалирующим в национальной идентичности является не этнический компонент, а приверженность к стране и ее политическим институтам (Fabrykant 2018). Кроме того, отмечается, что строгое разделение национальной идентичности на этническую

и гражданскую составляющие требует пересмотра (Hjern 1998), а «набор компонентов, составляющих национальную идентичность, не задан заранее некими неизменными свойствами и во многом определяется повесткой дня» (Фабрикант 2018: 23). А потому уместным представляется говорить о мультивокальности современных национальных идентичностей в Европе: индивиды могут определять границы групп как по этнокультурным, так и по гражданским критериям (Lindstam, Mader, Schoen 2019). Тем не менее этническая составляющая национального самосознания, базирующаяся на эссенциалистской системе убеждений, подразумевает эксклюзивный характер идентичности по отношению к аут-группам (Bastian, Haslam 2008; Taniguchi 2021), поэтому гипотеза 2 состоит в том, что:

Н2. Чем выше уровень этнического национализма респондента, тем сильнее его антииммигрантские установки.

В качестве альтернативы обозначенной дихотомии рассматривается многомерность националистических и патриотических установок. В данной традиции при классификации компонентов национальной идентичности используется сравнительный критерий. Национализм подразумевает сравнение Нас с Другими (в данном случае — принимающего населения и иммигрантов), подчеркивается превосходство собственной группы и выстраивание общности вокруг консолидации против Других. Под патриотизмом понимается гордость достижениями своей группы с автономной ориентацией, т.е. без сравнения с Другими (Kosterman, Feshbach 1989).

Проявление национальной гордости может быть «конструктивным» и «слепым». Главным критерием различия выступает самокритика и враждебность к другим группам: акцент на уникальности своей нации и допущении критики в ее адрес позволяет говорить о проявлении «конструктивного» патриотизма, а определение нации через конфронтацию, не допуская сомнений в ее ошибках или неправоте в тех или иных аспектах, свидетельствует о «слепом» национализме (Finell, Zogmaister 2014).

Опираясь на российские данные ISSP, Л. Григорян и В. Понизовский обнаружили, что «конструктивный» патриотизм, который заключается в привязанности к стране на основе критической лояльности и желании позитивных перемен (Huddy, Khatib 2007), имеет два измерения: политический и культурный (Grigoryan, Ponizovski 2018). Во-первых, политический патриотизм может отражать субъективное социально-экономическое благополучие, что, как было сказано выше, снижает восприятие групповых угроз. Во-вторых, политический патриотизм как часть гражданской иден-

тичности если и не устраняет полностью этническую предубежденность, то является влиятельным условием ее ослабления (Дробижева 2017). Наконец, данный компонент национальной идентичности отражает доверие к политическим институтам, а также веру в способности государства нивелировать негативные последствия со стороны аут-групп (Haluuu et al. 2013). Следовательно, гипотеза 3 заключается в том, что:

Н3. Чем выше уровень политического патриотизма респондента, тем слабее его антииммигрантские установки.

Культурный патриотизм затрагивает гордость общей историей, культурным наследием и научно-техническими достижениями в рамках той или иной нации. Хотя разные формы национальной гордости и коррелируют между собой, по отношению к иммигрантам была обнаружена вторичность культурного измерения в сравнении с другими компонентами национальной идентичности (Roccas et al. 2006; Grigoryan, Ponizovskiy 2018). В связи с этим предполагается, что:

Н4. Культурный патриотизм не связан с антииммигрантскими установками.

«Некритический», или «слепой», национализм заключается в нежелании «как критиковать, так и принимать критику в отношении нации» (Schatz, Staub 1997: 231), характеризуется тенденцией к безоговорочной поддержке авторитарных лидеров и тесно связан с этническим национализмом (Schatz et al. 1999). Поэтому ожидается, что:

Н5. Чем выше уровень «слепого» национализма респондента, тем сильнее его антииммигрантские установки.

Исследуя влияние страновых характеристик на проявление компонентов национальной идентичности в общественном мнении, Г. Ариэли пришел к выводу об отрицательной связи между уровнем глобализации страны и национальной гордостью как проявлением патриотизма. При этом наличие прямых конфликтов, высокий уровень неравенства и религиозная однородность свидетельствуют о более высоком уровне национальной гордости (Arieli 2017). Религиозная принадлежность как этнокультурный маркер в данном контексте может быть рассмотрена как часть национальной идентичности (Storm 2011). Также его выводы касательно экономического неравенства согласуются с «отвлекающей» теорией национализма, представленной в работе Ф. Солта. Согласно автору, государство сознательно «генерирует» националистические настроения в обществе, чтобы отвлечь граждан от проблем неравенства и предотвратить мобилизацию против него (Solt 2011). Все это свидетельствует о тесной связи ощущения символической и материальной угроз в отношении иммигрантов (Fasel, Green, Sarrasin 2013).

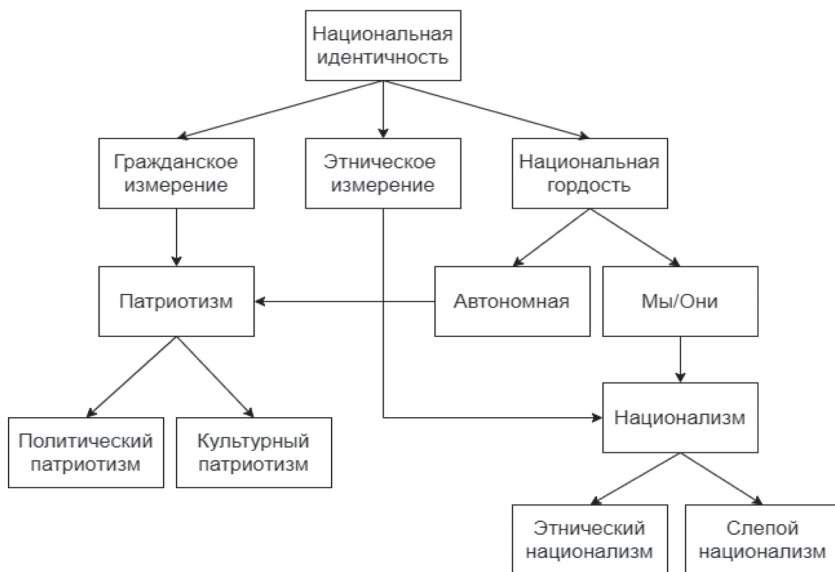

Рис. 1. Концептуализация национальной идентичности

Таким образом, при объяснении антииммигрантских установок представляется важным учитывать, что национальная идентичность может сочетать различные компоненты, основанные как на приобретаемых гражданских, так и на предписываемых этнических составляющих (рис. 1). Гражданские компоненты, в свою очередь, могут определяться в терминах автономной ориентации политического и культурного патриотизма в зависимости от того, достижения какой сферы являются предметом гордости индивидов. Данные компоненты противопоставляются (но не исключают в реальности) элементам национальной идентичности, основанным на конфронтационном сравнении Нас с Другими, и чувству превосходства собственной группы.

Помимо организационных и символических детерминант, стоит также отметить и социально-демографические характеристики, которые на индивидуальном уровне способны представить портрет людей, наиболее подверженных риску развития антииммигрантских установок, когда их групповые прерогативы находятся под угрозой (Hjerm 2009; Мукомель 2017). Например, теория социального доминирования предполагает, что такие члены доминирующих групп, как пожилые люди, мужчины и коренные граждане, хуже относятся к внешним группам, поскольку в боль-

шей степени одобряют групповую иерархию в целом, чем члены групп с низким статусом, молодые люди, женщины и иммигранты (Küpper, Wolf, Zick 2010). Вместе с тем, анализируя работы, которые либо непосредственно фокусировались на данных признаках, либо включали их в качестве контрольных переменных, Н. Воронина и П. Фадеев пришли к выводу об отсутствии единой тенденции. Рассмотрев такие показатели, как пол, уровень образования, возраст, семейное положение и тип поселения, авторы констатируют противоречивые результаты современных исследований. При этом, если в случае с большинством социально-демографических характеристик респондента в зависимости от контекста может варьироваться как направление связи, так и статистическая значимость в целом, фактор образования демонстрирует более устойчивую положительную взаимосвязь с отношением к иммигрантам (Воронина, Фадеев 2020).

В научной дискуссии тезис о том, что более образованные люди в меньшей степени склонны к предубеждениям (как по экономическим, так и по социокультурным основаниям) в отношении иммигрантов (Монусова 2021), по-прежнему вызывает вопрос, что представляет данная корреляция — каузальный механизм или систематическую ошибку отбора (Cavaille, Marshall 2019). Неоднозначность данного фактора можно проследить через смещение фокуса с уровня формального образования на содержание образовательного контента. Например, если образовательная система в стране проводит эксклюзивную концепцию национальной идентификации, то в результате потребления такого образовательного контента высокий уровень образования необязательно будет означать более позитивное отношение к иммигрантам (Lee 2023).

Суммируя, можно сказать, что существующая исследовательская литература отмечает влияние как социоэкономических (уровень образования и квалификация, конкуренция и защищенность на рынке труда, социальный статус), так и символических (национальная идентичность и религиозная принадлежность) факторов на антииммигрантские установки. При этом влияние данных факторов противоречиво, отчасти взаимозависимо и разнонаправлено. Данная работа, в свою очередь, призвана выявить связь компонентов национальной идентичности с антииммигрантскими установками в европейском контексте и сравнить объяснительные способности представленных предикторов.

Стратегия исследования и подготовка данных

В качестве эмпирического материала исследования использованы данные Международной программы социальных исследований (ISSP).

В частности, было обращено внимание на серию межнациональных социальных опросов «Национальная идентичность», представленных в базах данных ZA5960¹ (основной кумулятивный файл) и ZA5961² (дополнительный файл) за три волны. Сбор данных проводился в 1994–2015 гг., итоговая выборка составляет 20 стран³ (30 746 респондентов).

Исходя из исследовательских гипотез, для подготовки ключевых предикторов отобраны переменные, отражающие отношение к иммигрантам, национальную гордость, приписываемые и приобретенные индивидуальные компоненты национальной идентичности, социоэкономические характеристики респондента.

Насколько важно, по вашему мнению:

- родиться в (Стране) (v5);
- прожить в (Стране) большую часть своей жизни (v7);
- уметь говорить на языке (Страны) (v8);
- быть (принадлежность к конфессии) (v9).

Мир был бы лучше, если бы люди из других стран были больше похожи на (национальность Страны) (v15).

(Страна) лучше большинства других стран (v16).

Когда моя страна добивается успехов в международном спорте, я горжусь тем, что являюсь (национальность Страны) (v18).

Насколько вы гордитесь:

- тем, как работает демократия в (Стране) (v20);
- политическим влиянием (Страны) в мире (v21);
- экономическими достижениями (Страны) (v22);
- системой социального обеспечения в (Стране) (v23);
- достижениями (Страны) в спорте (v25);
- достижениями (Страны) в искусстве и литературе (v26);
- историей (Страны) (v28);
- справедливым отношением ко всем группам общества в (Стране) (v29).

(Страна) должна следовать своим собственным интересам, даже если это приведет к конфликтам с другими нациями (v32).

---

¹ ISSP Research Group (2020). International Social Survey Programme: National Identity I–III — ISSP 1995-2003-2013. GESIS Datenarchiv, Köln. ZA5960 Datenfile Version 1.0.0, <https://doi.org/10.4232/1.13471>.

² ISSP Research Group (2020). International Social Survey Programme: National Identity I–III ADD ON — ISSP 1995-2003-2013. GESIS Datenarchiv, Köln. ZA5961 Datenfile Version 1.0.0, <https://doi.org/10.4232/1.13472>.

³ Австрия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Дания, Ирландия, Испания, Латвия, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Словакия, Словения, Финляндия, Франция, Чехия, Швейцария, Швеция.

Иммигранты:

- повышают уровень преступности (v42);
  - в целом полезны для экономики (v43);
  - отнимают рабочие места у людей, родившихся в Стране (v44);
  - обогащают общество, привнося новые идеи и культуры (v45);
- Число иммигрантов в (Страну) следует увеличить/уменьшить (v48).*

Отобранные переменные отражают степень согласия респондента с утверждением и закодированы от 1 до 4 и от 1 до 5. Для удобства операций над данными большая часть переменных была перекодирована в обратном порядке¹.

Среди социоэкономических характеристик респондента, отражающих уровень экономической защищенности, были подготовлены переменные, отражающие *субъективный социальный статус* (1 — низкий; 2 — средний; 3 — высокий), *текущий статус занятости* (1 — безработный и в поиске работы; 2 — студент/военнообязанный; 3 — на оплачиваемой работе; 4 — работа на дому / на пенсии / инвалид), *степень законченного образования (категории для международного сравнения)* (от 0 — «нет формального образования» до 5 — «высшее образование»).

На основе отобранных переменных был сконструирован новый предиктор «экономическая защищенность»² с точки зрения конкуренции на рынке труда, состоящий из трех категорий. К наименее «защищенной» категории относятся пенсионеры с низким субъективным социальным статусом; рабочие/студенты/военнообязанные либо низкого статуса, либо среднего статуса, но без профессионального образования; безработные с низким и средним статусом. В наиболее «защищенную» категорию попали все респонденты высокого статуса; рабочие/студенты/военнообязанные среднего статуса, но с высшим образованием. Оставшиеся комбинации попали во вторую промежуточную категорию.

Также в качестве контрольных переменных учитываются пол (1 — мужчина; 2 — женщина) и возраст (в годах) респондента.

Все пропущенные и недопустимые значения переменных были удалены на этапе подготовки данных.

---

¹ Подробная подготовка переменных и общий код решения доступен по ссылке: https://github.com/SP-ANTI/national_identity (дата обращения: 13.06.2024).

² Для дополнительной проверки «экономическая защищенность» вводилась в анализ и в качестве композита, т.е. линейной комбинации наблюдаемых переменных (Henseler, Jörg 2017), показав содержательно идентичные результаты.

Методы и результаты исследования

Для снижения исходного числа переменных был осуществлен *многогрупповой конфирматорный факторный анализ* (multiple group confirmatory factor analysis).

Поскольку ключевые наблюдаемые переменные, участвующие в анализе, являются шкалой Лайкерта и имеют 5 категорий и меньше, оценка параметров модели происходила методом диагонально-взвешенных наименьших квадратов (Diagonally Weighted Least Square) с помощью оценочной функции DWLS¹, которая специально создана для работы с порядковыми данными на больших выборках и основана на предположении о нормальном латентном распределении порядковых переменных (Mindrila 2010; Rhemtulla, Brosseau-Liard, Savalei 2012; Li 2015).

Оценка соответствия моделей осуществляется на основе трех ключевых показателей: индекса сравнительного соответствия (Comparative Fit Index, далее — CFI), стандартизированного среднеквадратичного остатка (Standardized Root Mean Squared Residual, далее — SRMR) и среднеквадратичной ошибки аппроксимации (Root Mean Square Error of Approximation, далее — RMSEA). Данные показатели отражают, насколько тестируемая теоретическая модель соответствует эмпирическим данным. Выводы можно считать валидными, если модель удовлетворяет следующим критериям: CFI >0.90, SRMR <0.08, RMSEA <0.08 (Satorra, Bentler 1988; MacCallum, Browne, Sugawara 1996; Hu, Bentler 1999).

В результате получено пять латентных факторов. Результаты представлены на рисунках 2 и 3.

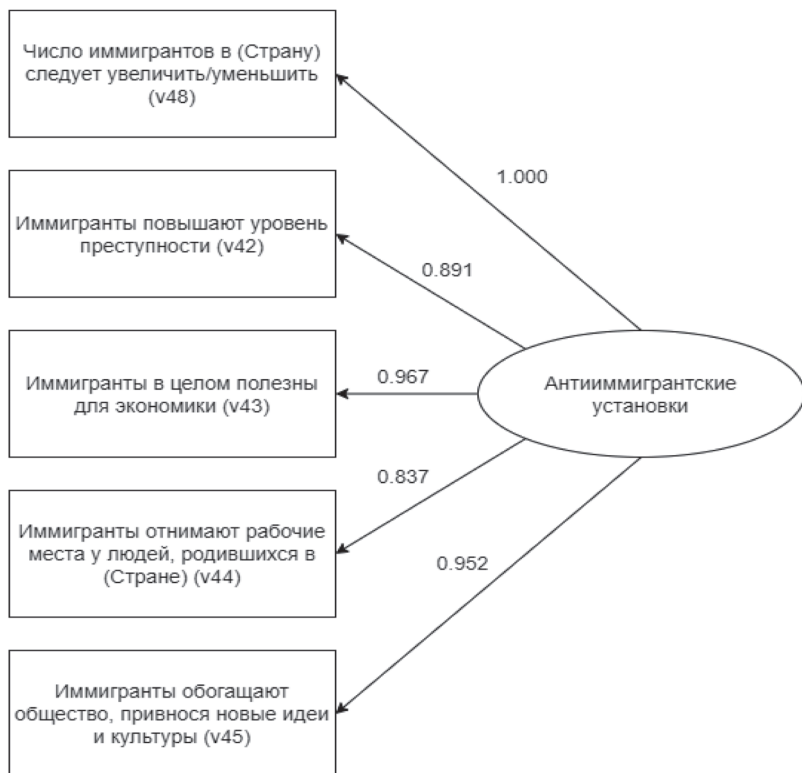
Фактор «антииммигрантские установки» образован из пяти переменных: число иммигрантов в (Страну) следует увеличить/уменьшить (v48); иммигранты повышают уровень преступности (v42); в целом полезны для экономики (v43); отнимают рабочие места у людей, родившихся в (Стране) (v44); обогащают общество, привнося новые идеи и культуры (v45).

Результаты анализа подтвердили, что национальная идентичность в европейских странах имеет четырехмерную структуру. Факторные нагрузки в целом указывают на сильные ассоциации между латентными факторами и отражающими их наблюдаемыми переменными (>0.3).

Первый фактор «политический патриотизм» включает в себя пять переменных: насколько вы гордитесь тем, как работает демократия в (Стране) (v20); политическим влиянием (Страны) в мире (v21); экономическими достижениями (Страны) (v22); системой социального обес-

---

¹ Эмпирический анализ выполнен в среде разработки RStudio с помощью пакета lavaan (Rosseeel 2012).

Рис. 2. Однофакторная измерительная модель антииммигрантских установок

печения в (Стране) (v23); справедливым отношением ко всем группам общества в (Стране) (v29).

Второй фактор «культурный патриотизм» является производным от четырех переменных: когда моя страна добивается успехов в международном спорте, я горжусь тем, что являюсь (национальность Страны) (v18); насколько вы гордитесь достижениями (Страны) в спорте (v25); достижениями (Страны) в искусстве и литературе (v26); историей (Страны) (v28).

Третий фактор «этнический национализм» состоит из четырех переменных: насколько важно, по вашему мнению, родиться в (Стране) (v5); прожить в (Стране) большую часть своей жизни (v7); уметь говорить на языке (Страны) (v8); быть (принадлежность к конфессии) (v9).

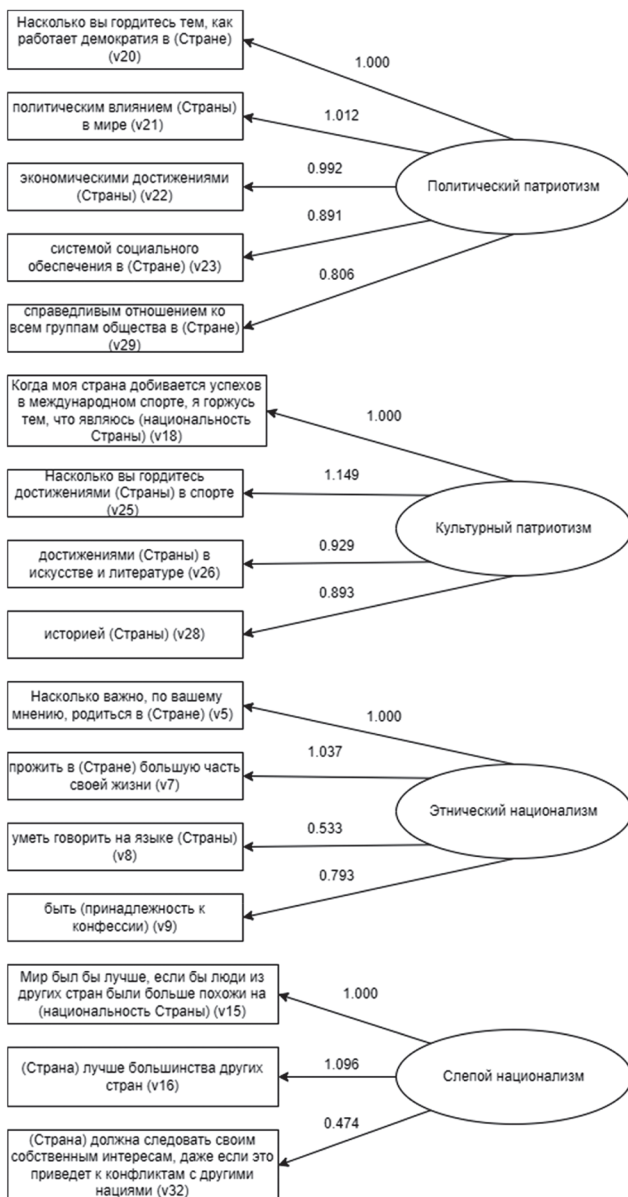

Рис. 3. Четырехфакторная измерительная модель национальной идентичности

Четвертый фактор «слепой национализм» образуется тремя переменными: мир был бы лучше, если бы люди из других стран были больше похожи на (национальность Страны) (v15); (Страна) лучше большинства других стран (v16); (Страна) должна следовать своим собственным интересам, даже если это приведет к конфликтам с другими нациями (v32).

Для получившихся латентных переменных был вычислен коэффициент альфа Кронбаха: 0.78 для антииммигрантских установок, 0.81 для политического патриотизма, 0.69 для культурного патриотизма, 0.64 для этнического национализма и 0.58 для слепого национализма. Анализ надежности показал, что сконструированные факторы внутренне согласованы и могут использоваться для дальнейшего анализа ($\alpha > 0.5$).

Также метрики качества модели подтвердили, что выделенные измерительные структуры в целом соответствуют данным: CFI=0.981, SRMR=0.044, RMSEA=0.066 для антииммигрантских установок и CFI=0.955, SRMR=0.064, RMSEA=0.067 для компонентов национальной идентичности.

Для построенных моделей показатели качества попадают в конвенционные границы значений, что позволяет говорить о конфигурационной инвариантности. Но чтобы в дальнейшем сравнить связи компонентов национальной идентичности с антииммигрантскими установками, а также размеры эффектов во времени (1995, 2003, 2013), тестируется метрическая инвариантность (Widaman, Reise 1997). Для каждой модели последовательно были установлены следующие ограничения. Факторные нагрузки были зафиксированы равными для всех трех временных групп. Путем сравнения изменения CFI для «свободных» моделей и моделей с последовательно введенными ограничениями (равенство факторных нагрузок) удалось подтвердить метрическую инвариантность, поскольку разница в изменении CFI составила < 0.01 (Cheung, Rensvold 2002): 0.005 и для антииммигрантских установок, и для факторов национальной идентичности. В частности, это означает, что «метрика (единица измерения) индикаторов латентного признака соответствует латентному признаку в равной степени» (Руднев 2013: 5) во времени и подтвержденная четырехмерная структура национальной идентичности валидна для всех трех волн.

Основным методом исследования стало *многогрупповое моделирование структурными уравнениями* (multiple group structural equation modeling). После подготовки вышеописанных факторов была построена структурная регрессионная модель с латентной эндогенной переменной «антииммигрантские установки». Для всех латентных предикторов в модели учитываются ковариационные связи, поскольку предполагается, что компоненты национальной идентичности связаны между собой, но на график ненаправленные ассоциации не выносятся для лучшей читабельности. Все

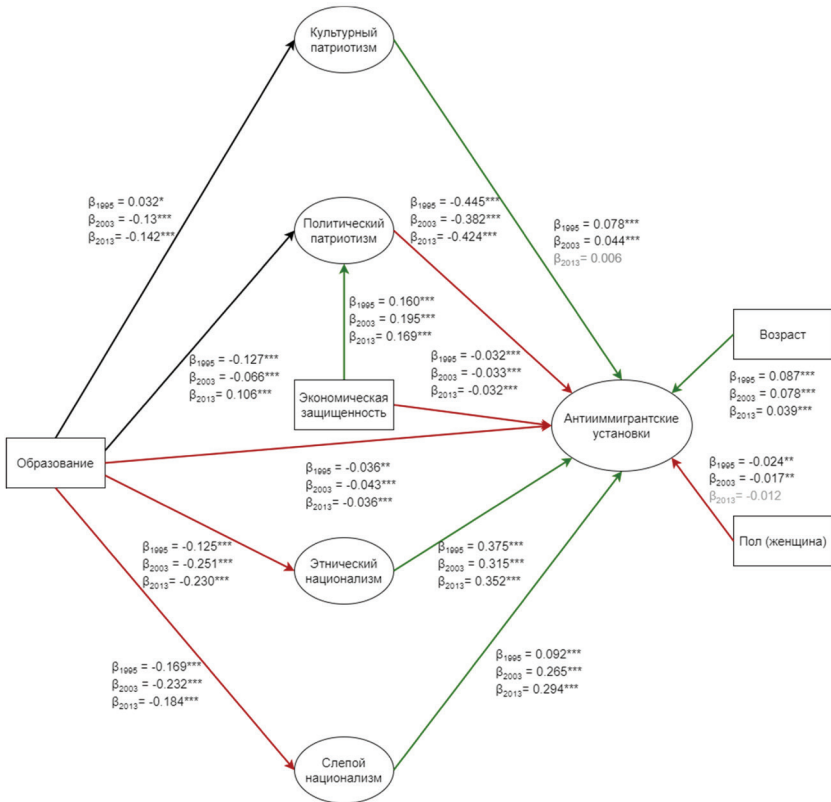
корреляции между латентными переменными свидетельствует о дискриминантной валидности построенной модели ($r < 0.5$), т.е. выделенные факторы содержательно отличаются друг от друга.

Результаты многогруппового моделирования представлены в таблице 1 и на рисунке 4.

Таблица 1

Регрессионные пути структурной модели для зависимой переменной «антииммигрантские установки»

Путь	1995	2003	2013
Политический патриотизм → Антииммигрантские установки	-0.445*** (0.008)	-0.382*** (0.008)	-0.424*** (0.008)
Этнический национализм → Антииммигрантские установки	0.375*** (0.012)	0.315*** (0.015)	0.352*** (0.018)
Культурный патриотизм → Антииммигрантские установки	0.078*** (0.012)	0.044*** (0.009)	0.006
Слепой национализм → Антииммигрантские установки	0.092*** (0.014)	0.265*** (0.014)	0.294*** (0.018)
Экономическая защищенность → Антииммигрантские установки	-0.032*** (0.005)	-0.033*** (0.005)	-0.032*** (0.005)
Образование → Антииммигрантские установки	-0.036** (0.007)	-0.043*** (0.005)	-0.036*** (0.006)
Возраст → Антииммигрантские установки	0.087*** (0.000)	0.078*** (0.000)	0.039*** (0.000)
Пол (женщина) → Антииммигрантские установки	-0.024** (0.011)	-0.017** (0.008)	-0.012
Экономическая защищенность → Политический патриотизм	0.160*** (0.005)	0.195*** (0.005)	0.169*** (0.005)
Образование → Политический патриотизм	-0.127*** (0.006)	-0.066*** (0.004)	0.106*** (0.005)
Образование → Этнический национализм	-0.125*** (0.008)	-0.251*** (0.007)	-0.230*** (0.006)
Образование → Культурный патриотизм	0.032* (0.007)	-0.142*** (0.005)	-0.135*** (0.005)
Образование → Слепой национализм	-0.169*** (0.008)	-0.232*** (0.006)	-0.184*** (0.006)
R2	0.31	0.35	0.42
Количество наблюдений	7529	12317	10900
Примечание. В таблице представлены стандартизированные регрессионные коэффициенты для структурной модели, в скобках указаны стандартные ошибки			
*** $p < 0.001$; ** $p < 0.01$; * $p < 0.05$; CFI=0.936; SRMR=0.064; RMSEA=0.061			

Рис. 4. Результаты многогруппового моделирования структурными уравнениями. Структурная модель для зависимой переменной «антииммигрантские установки»

Как видно из таблицы 1 и рисунка 4, экономическая защищенность отрицательно связана с антииммигрантскими установками: при возрастании данного предиктора на единицу от среднего зависимая переменная во всех трех волнах уменьшается на 0.03 ($p < 0.001$). При этом, как было описано в теоретической части, поскольку политический патриотизм отражает и удовлетворенность своим социально-экономическим статусом, для оценки эффекта переменной экономической защищенности дополнительно учитывается модель посредничества через политический патриотизм. Были рассчитаны стандартизированные эффекты с доверительными интервалами. Размер косвенного эффекта составил -0.070 [-0.078 ; -0.061]

для 1995 г., -0.066 [-0.072 ; -0.060] для 2003 г. и -0.082 [-0.089 ; -0.075] для 2013 г. Общий эффект экономической защищенности, оказываемый на антииммигрантские установки, составляет -0.161 [-0.180 ; -0.143] для 1995 г., -0.087 [-0.102 ; -0.072] для 2003 г. и -0.088 [-0.104 ; -0.073] для 2013 г. соответственно. Это свидетельствует в поддержку гипотезы 1.

Этнический национализм продемонстрировал прямую связь с зависимой переменной ($p < 0.001$): при увеличении данного предиктора на одно стандартное отклонение антииммигрантские установки увеличиваются на 0.375 для 1995 г., 0.315 для 2003 г. и 0.352 для 2013 г., что позволяет принять гипотезу 2.

Наибольший размер эффекта можно наблюдать у фактора «политический патриотизм»: при увеличении данного предиктора на одно стандартное отклонение уровень антииммигрантских установок респондента на уровне значимости $p < 0.001$ снижается на 0.445 для 1995 г., на 0.382 для 2003 г. и на 0.424 для 2013 г., поэтому гипотеза 3 подтверждается.

Культурный патриотизм также оказался положительно связан с антииммигрантскими установками для 1995 г. (0.078) и для 2003 г. (0.044) ($p < 0.001$). При этом небольшой по размеру эффект может быть статистически значимым на больших выборках, но эмпирически незначительным. С высокой достоверностью результаты не позволяют ни подтвердить, ни опровергнуть гипотезу 4.

Также анализ показал, что при возрастании предиктора «слепой национализм» на одно стандартное отклонение значение целевого признака увеличивается на 0.092 стандартных отклонений для 1995 г., на 0.265 для 2003 г. и на 0.294 для 2013 г. ($p < 0.001$), что свидетельствует в поддержку гипотезы 5.

Значения метрик качества сообщают о том, что в целом построенная модель соответствует данным ($CFI=0.936$, $SRMR=0.064$, $RMSEA=0.061$) и, согласно приведенным в таблице коэффициентам детерминации (R^2), объясняет от 31 % до 42 % от общей дисперсии.

Наконец, подтверждена метрическая инвариантность ($\Delta CFI < 0.01$), что позволяет говорить о межгрупповой валидности результатов и в метрической, и в структурной части моделирования. Таким образом, мы можем сравнить коэффициенты корреляций, представляющие исследовательский интерес, между тремя волнами (Руднев 2013).

Политический патриотизм, этнический национализм и уровень образования респондента оказывают относительно стабильные эффекты на зависимую переменную. Эффект для переменной слепого национализма увеличился с 1995 по 2013 г. почти в три раза. Для экономической защищенности за данный период, напротив, можно констатировать уменьше-

ние коэффициента корреляции вдвое. Культурный патриотизм оказался статистически незначим для 2013 г. Также стоит отметить вариативность эффекта образования по отношению к компонентам национальной идентичности. В целом более высокий уровень образования свидетельствует о более низких националистических установках: на протяжении всех волн сохраняется отрицательная связь уровня образования респондента с этническим и слепым национализмом. При этом для культурного патриотизма в 1995 г., как и для политического патриотизма в 2013 г., обнаружена положительная связь, что не позволяет сделать однозначное заключение о более низком чувстве национальной гордости у более образованных респондентов.

Дискуссия и заключение

В работе рассматривалась связь национальной идентичности с антииммигрантскими установками в Европе. Национальная идентичность рассмотрена в терминах гражданско-этнической дихотомии и на основании сравнительного критерия национальной гордости. В результате многогруппового конфирматорного факторного анализа выделены четыре компонента национальной идентичности, которые продемонстрировали устойчивость во всех трех представленных волнах ISSP. Для ответа на исследовательский вопрос осуществлено многогрупповое моделирование структурными уравнениями, которое позволило обнаружить статистические связи между наблюдаемыми переменными и латентными факторами. В частности, во всех трех волнах политический патриотизм продемонстрировал отрицательную связь с антииммигрантскими установками, а этнический и слепой национализм — положительную.

Результаты анализа относительно разделения «гражданского» измерения национальной идентичности на гордость политико-экономическими достижениями страны и культурными достижениями нации, а также негативного эффекта национализма на антииммигрантские установки в целом соответствует выводам исследования Л. Григорян и В. Понизовского, проведенного на российских данных (Grigoryan, Ponizovskiy 2018). При этом в настоящем исследовании в соответствии с теоретическими основаниями национализм был дополнительно разделен на этнический и слепой. В то время как коэффициенты для этнического национализма на протяжении трех волн были относительно стабильны, эффект слепого национализма в 2013 г. по сравнению с 1995 г. вырос почти в три раза. Культурный патриотизм, вопреки ожиданиям, оказался значим в двух волнах из трех, хотя его эффект значительно слабее, чем у других компонентов.

Кроме того, в анализ дополнительно была включена модель медиации. Эффект экономической защищенности, опосредованный политическим патриотизмом, также свидетельствует о том, что антииммигрантские установки не являются просто «линейной комбинацией» восприятия двух типов угроз: материальные и символические факторы могут быть разнонаправленными и взаимозависимыми (Quillian 1995; Pichler 2010; Halikiouroulou, Vlandas 2020). Тем не менее больший объяснительный потенциал продемонстрировали именно компоненты национальной идентичности, что согласуется с результатами предыдущих исследований о решающем значении в европейском контексте культурных предикторов в сравнении с социоэкономическими (Fetzer 2000; Schneider 2008).

В фокусе исследования находились воспринимаемые материальная и символическая угрозы, операционализированные в терминах экономической защищенности и компонентов национальной идентичности. Говоря о других факторах, влияющих на отношение к иммигрантам, можно отметить социальный капитал и доверие (Черныш 2015; Мукомель 2017; Mitchell 2021); религиозность (Scheepers, Gijssberts, Hello 2002; Ben Nun Bloom, Arikan, Courtemanche 2015; Парвадов 2024); политическую ориентацию (Semyonov, Raijman, Gorodzeisky 2006; Leykin, Gorodzeisky 2024); идеологические дискурсы, представленные через СМИ (Fasel, Green, Sarrasin 2013) и страновые характеристики (например, численность населения, процент иммигрантов, уровень безработицы, размер ВВП и экономическая ситуация в стране в целом) (Quillian 1995; Semyonov, Glikman 2009; Монусова 2016). Описанные факторы остались за рамками данной работы ввиду особенностей использованной базы данных ISSP, специализирующейся именно на переменных, позволяющих подробно рассмотреть разные аспекты идентичности, на чем и сделан акцент в работе.

Еще одним ограничением исследования, связанным со структурой анализируемой базы данных, стоит обозначить рассмотрение иммигрантов как единой категории. При этом в зависимости от этнического и религиозного происхождения приезжих отношение принимающего населения может варьироваться, быть иерархичным (Bessudnov 2016). Например, отношение европейцев к иммигрантам той же расы/этнической группы, что и большинство принимающего населения, а также к евреям в значительной степени лучше, чем к мусульманам и цыганам, что позволяет говорить о многомерности антииммигрантских установок и факторов, на них влияющих (Григорьев 2020).

Наконец, важной рестрикцией можно отметить временные рамки опросных данных, использованных для анализа. Сбор данных для последней волны ISSP «Национальная идентичность», наиболее полно и де-

тально раскрывающей проявления патриотизма и национализма в кросс-культурной перспективе, ограничивается 2015 г. Можно предположить, что последствия миграционного кризиса, пандемия и актуализация военных конфликтов могли оказать определенное влияние не только на уровень антииммигрантских установок, но и на конкретные компоненты национальной идентичности. И хотя обнаруженные в данной работе эффекты показали свою валидность между волнами (исследовательская задача заключалась в установлении измерительной структуры и статистических связей, а не в вычислениях абсолютных значений тех или иных показателей), полученные результаты могут быть в дальнейшем сопоставлены с данными новой волны по мере ее готовности и публикации в свободном доступе.

Как отмечено выше, метрическая инвариантность измерений подтвердила устойчивую во времени структуру национальной идентичности и связи ее компонентов с антииммигрантскими установками в европейских странах. Фокус последующих работ может быть направлен на учет возможных различий в структурах национальной идентичности в межстрановой перспективе (Davidov 2009).

Таким образом, результаты настоящего исследования иллюстрируют, как аспекты национальной идентичности могут оказывать различное влияние на восприятие иммигрантов. В то время как гордость политико-экономическими достижениями страны свидетельствует о более позитивном отношении к иммигрантам, представления о нации в этнокультурных терминах и некритическая вера в собственное превосходство ведет к одобрению социального исключения аут-групп.

Литература / References

Андерсон Б. (2016) *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: Кучково поле.

Anderson B. (2016) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Moscow: Kuchkovo pole (in Russian).

Воронина Н.С., Фадеев П.В. (2020) Кто настроен против иммигрантов в России? Анализ некоторых социально-демографических характеристик. *Вестник Института социологии*, 11(4): 99–125.

Voronina N.S., Fadeev P.V. (2020) Who is set against migrants in Russia? Analyzing certain socio-demographic characteristics. *Vestnik instituta sotziologii [Bulletin of the Institute of Sociology]*, 11(4): 99–125 (in Russian).

Григорьев Д.С. (2020) Проблемы концептуализации и операционализации отношения к иммигрантам в межстрановых сравнительных исследованиях. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*, 3: 89–100.

Grigoryev D.S. (2020) Problems of conceptualisation and operationalisation of attitudes toward immigrants in cross-national comparative research. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya* [Journal of the Belarusian State University. Sociology], 3: 89–100 (in Russian).

Дробижева Л.М. (2017) Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма. *Мир России. Социология. Этнология*, 26(1): 7–31.

Drobizheva L. (2017) National Identity as a Means of Reducing Ethnic Negativism. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology], 26(1): 7–31 (in Russian).

Монусова Г. (2016) Восприятие иммигрантов европейским общественным мнением. *Мировая экономика и международные отношения*, 60(11): 58–70.

Monusova G. (2016) Public Attitudes towards Migrants in Europe. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 60(11): 58–70 (in Russian).

Монусова Г.А. (2021) Отношение к мигрантам: мнения и сомнения россиян. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6: 436–458.

Monusova G.A. (2021) Russians' Attitudes Towards Migrants: Opinions and Doubts. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 6: 436–458 (in Russian).

Мукомель В.И. (2017) Ксенофобы и их антиподы, кто они? *Мир России*, 26(1): 32–57.

Mukomel V. (2017) Xenophobes and Their Opposites: Who Are They? *Mir Rossii* [Universe of Russia], 26(1): 32–57 (in Russian).

Парвадов С.О. (2024) Связь субъективной религиозности с антииммигрантскими установками в Европе: анализ на основе данных Европейского социального исследования (ESS). *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2: 78–95.

Parvadov S.O. (2024) Relationship between Subjective Religiosity and Anti-Immigrant Attitudes in Europe: Analyzing European Social Survey (ESS) Data. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2: 78–95 (in Russian).

Руднев М.Г. (2013) Инвариантность измерения базовых ценностей по методике Шварца среди русскоязычного населения четырех стран. *Социология*: 4М, 37: 7–38.

Rudnev M.G. (2013) Invariance of measuring basic values using the Schwartz method among the Russian-speaking population of four countries. *Sotsiologiya: 4M* [Sociology: 4M], 37: 7–38 (in Russian).

Фабрикант М. (2018) Сравнительные количественные исследования национальной идентичности в современной социальной психологии. *Современная зарубежная психология*, 7(4): 22–31.

Fabrikant M. (2018) Comparative quantitative studies of national identity in modern social psychology. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Modern foreign psychology], 7(4): 22–31 (in Russian).

Черныш М.Ф. (2017) *Социальные факторы межэтнической напряженности в России*. М.: ФНИСЦ РАН.

Chernysh M.F. (2017) *Social factors of interethnic tension in Russia*. Moscow: FCTAS RAS (in Russian).

Якимова О.А. (2017) Ксенофобия в англоязычных социальных исследованиях: от объяснения причин к пониманию динамики. *Социум и власть*, 6(68): 44–51.

Yakimova O. (2017) Xenophobia in English Social Researches: From Explaining the Reasons to Understanding Dynamics. *Sotsium i vlast* [Society and power], 6(68): 44–51 (in Russian).

Ariely G. (2013) Nationhood across Europe: The Civic–Ethnic Framework and the Distinction between Western and Eastern Europe. *Perspectives on European Politics and Society*, 14(1): 123–143.

Ariely G. (2017) Why does patriotism prevail? Contextual explanations of patriotism across countries. *Identities*, 24(3): 351–377.

Baláz V., Nežinský E., Williams A. (2021) Terrorism, migrant crisis and attitudes towards immigrants from outside of the European Union. *Population, Space and Place*, 27(4): 1–21.

Bastian B., Haslam N. (2008) Immigration from the perspective of hosts and immigrants: Roles of psychological essentialism and social identity. *Asian Journal of Social Psychology*, 11(2): 127–140.

Bauer C.A., Hannover B. (2020) Changing “us” and hostility towards “them” — implicit theories of national identity determine prejudice and participation rates in an anti-immigrant petition. *European Journal of Social Psychology*, 50(4): 810–826.

BenNun Bloom P., Arikan G., Courtemanche M. (2015) Religious Social Identity, Religious Belief, and Anti — Immigration Sentiment. *American Political Science Review*, 109(2): 203–221.

Ben-Nun Bloom P., Arikan G., Lahav G. (2015) The effect of perceived cultural and material threats on ethnic preferences in immigration attitudes. *Ethnic and Racial Studies*, 38(10): 1760–1778.

Bessudnov A. (2016) Ethnic hierarchy and public attitudes towards immigrants in Russia. *European Sociological Review*, 32(5): 567–580.

Blumer H. (1958) Race Prejudice as a Sense of Group Position. *The Pacific Sociological Review*, 1(1): 3–7.

Bobo L. (1983) Whites’ Opposition to Busing: Symbolic Racism or Realistic Group Conflict? *Journal of Personality and Social Psychology*, 45(6): 1196–1210.

Branscombe N.R., Wann D.L. (1994) Collective self-esteem consequences of out-group derogation when a valued social identity is on trial. *European Journal of Social Psychology*, 24(6): 641–657.

Cavaille C., Marshall J. (2019) Education and Anti-Immigration Attitudes: Evidence from Compulsory Schooling Reforms across Western Europe. *American Political Science Review*, 113(1): 254–263.

Ceobanu A.M., Escandell X. (2010) Comparative Analyses of Public Attitudes toward Immigrants and Immigration Using Multinational Survey Data: A Review of Theories and Research. *Annual Review of Sociology*, 36(1): 309–328.

Cheung G.W., Rensvold R.B. (2002) Evaluating Goodness-of-Fit Indexes for Testing Measurement Invariance. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*, 9(2), 233–255.

Cutts D., Ford R., Goodwin M.J. (2011) Anti-immigrant, politically disaffected or still racist after all? Examining the attitudinal drivers of extreme right support in Britain in the 2009 European elections. *European Journal of Political Research*, 50(3): 418–440.

Davidov E. (2009) Measurement equivalence of nationalism and constructive patriotism in the ISSP: 34 countries in a comparative perspective. *Political Analysis*, 17(1): 64–82.

Eger M.A., Valdez S. (2015) Neo-nationalism in Western Europe. *European Sociological Review*, 31(1): 115–130.

Eger M.A., Valdez S. (2019) From radical right to neo-nationalist. *European Political Science*, 18: 379–399.

Fabrykant M. (2018) National identity in the contemporary Baltics: comparative quantitative analysis. *Journal of Baltic Studies*, 49(3): 305–331.

Fasel N., Green E., Sarrasin O. (2013) Facing Cultural Diversity. Anti-Immigrant Attitudes in Europe. *European Psychologist*, 18: 253–262.

Fetzer J.S. (2000). Economic self-interest or cultural marginality? Anti-immigration sentiment and nativist political movements in France, Germany and the USA. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 26(1): 5–23.

Finell E., Zogmaister C. (2014) Blind and constructive patriotism, national symbols and outgroup attitudes. *Scandinavian Journal of Psychology*, 56(2): 189–197.

Gidron N., Hall P.A. (2017) The politics of social status: economic and cultural roots of the populist right. *The British Journal of Sociology*, 68(1): 57–84.

Grigoryan L.K., Ponizovskiy V. (2018) The three facets of national identity: Identity dynamics and attitudes toward immigrants in Russia. *International Journal of Comparative Sociology*, 59(5–6): 403–427.

Halapuu V., Paas T., Tammaru T., Schütz A. (2013) Is institutional trust related to pro-immigrant attitudes? A pan-European evidence. *Eurasian Geography and Economics*, 54(5–6): 572–593.

Halikiopoulou D, Vlandas T. (2020) When economic and cultural interests align: the anti-immigration voter coalitions driving far right party success in Europe. *European Political Science Review*, 12(4): 427–448.

Heath A.F., Richards L. (2019) Contested boundaries: consensus and dissensus in European attitudes to immigration. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 46(2): 1–23.

Henseler J. (2017) Bridging Design and Behavioral Research with Variance-Based Structural Equation Modeling. *Journal of Advertising*, 46(1): 178–92.

Hjerm M. (1998) National Identities, National Pride and Xenophobia: A Comparison of Four Western Countries. *Acta Sociologica*, 41(4): 335–347.

Hjerm M. (2007) Do Numbers Really Count? Group Threat Theory Revisited. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 33(8): 1253–1275.

Hjerm M. (2009) Anti-Immigrant Attitudes and Cross-Municipal Variation in the Proportion of Immigrants. *Acta Sociologica*, 52(1): 47–62.

Höglinger D., Wüest B., Helbling M. et al. (2012) Culture versus economy: the framing of public debates over issues related to globalization. In: *Political Conflict in Western Europe*. Cambridge University Press: 229–253.

Hroch M. (1985) *Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smallest European Nations*. Cambridge University Press.

Hu M., Bentler P.M. (1999) Cutoff criteria for fit indexes in covariance structural analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling*, 6(1):1–55.

Huddy L., Khatib N. (2007) American Patriotism, National Identity, and Political Involvement. *American Journal of Political Science*, 51: 63–77.

Indelicato A., Martín J.C. (2024) The Effects of Three Facets of National Identity and Other Socioeconomic Traits on Attitudes Towards Immigrants. *Journal of International Migration and Integration*, 25: 645–672.

Jutila M. (2009) Taming Eastern Nationalism: Tracing the Ideational Background of Double Standards of Post-Cold War Minority Protection. *European Journal of International Relations*, 15(4): 627–651.

Keivins A., Lightman N. (2020) Immigrant sentiment and labour market vulnerability: economic perceptions of immigration in dualized labour markets. *Comparative European Politics*, 18(3): 460–484

Kosterman R., Feshbach S. (1989) Toward measure of patriotic and nationalistic attitudes. *Political Psychology*, 10(2): 257–274.

Küpper B., Wolf C., Zick A. (2010) Social Status and Anti-Immigrant Attitudes in Europe: An Examination from the Perspective of Social Dominance Theory. *International Journal of Conflict and Violence*, 4(2): 205–219.

Lee B. (2023) Educational Content, Exclusive National Identity, and Anti-Immigrant Attitudes. *The Journal of Politics*, 85(4): 1182–1197.

LeVine R.A. Campbell D.T. (1972) *Ethnocentrism: Theories of Conflict, Ethnic Attitudes and Group Behavior*. New York: John Wiley.

Leykin I., Gorodzeisky A. (2024) Is Anti-Immigrant Sentiment Owned by the Political Right? *Sociology*, 58(1): 3–22.

Li C.H. (2015) Confirmatory factor analysis with ordinal data: Comparing robust maximum likelihood and diagonally weighted least squares. *Behavior Research Methods*, 48(3): 936–949.

Lindstam E., Mader M., Schoen H. (2019) Conceptions of National Identity and Ambivalence towards Immigration. *British Journal of Political Science*, 51(1): 1–22.

MacCallum R.C., Browne M.W., Sugawara H.M. (1996) Power analysis and determination of sample size for covariance structure modeling. *Psychological Methods*, 1(2): 130–149.

Mayda A.M. (2006) “Who Is Against Immigration? A Cross-Country Investigation of Individual Attitudes toward Immigrants.” *The Review of Economics and Statistics*, 88(3): 510–530.

Melcher C.R. (2021) “The political economy of “White Identity Politics”: economic self-interest and perceptions of immigration.” *Ethnic and Racial Studies*, 44(2): 293–313.

Miller B. (2012) Exploring the Economic Determinants of Immigration Attitudes. *Poverty & Public Policy*, 4(2): 1–19.

Mitchell J. (2021) Social Trust and Anti-immigrant Attitudes in Europe: A Longitudinal Multi-Level Analysis. *Frontiers in sociology*, 6: 1–11.

Mindrila D. (2010) Maximum Likelihood (ML) and Diagonally Weighted Least Squares (DWLS) Estimation Procedures: A Comparison of Estimation Bias with Ordinal and Multivariate Non-Normal Data. *International Journal of Digital Society*, 1(1): 60–66.

O’Connell M. (2005) Economic forces and anti-immigrant attitudes in Western Europe: a paradox in search of an explanation. *Patterns of Prejudice*, 39(1): 60–74.

Ortega F., Polavieja J.G. (2012) Labor-market exposure as a determinant of attitudes toward immigration. *Labour Economics*, 19(3): 298–311.

Pichler F. (2010) Foundations of anti-immigrant sentiment: The variable nature of perceived group threat across changing European societies, 2002–2006. *International Journal of Comparative Sociology*, 51(6): 445–469.

Quillian L. (1995) Prejudice as a response to perceived group threat: Population composition and anti-immigrant and racial prejudice in Europe. *American Sociological Review*, 60(4): 586–611.

Rhemtulla M., Brosseau-Liard P.É., Savalei V. (2012) When can categorical variables be treated as continuous? A comparison of robust continuous and categorical SEM estimation methods under suboptimal conditions. *Psychological Methods*, 17(3): 354–373.

Roccas S., Klar Y., Liviatan I. (2006) The paradox of group-based guilt: Modes of national identification, conflict vehemence, and reactions to the in-group’s moral violations. *Journal of Personality and Social Psychology*, 91(4): 698–711.

Rosseel Y. (2012) lavaan: An R Package for Structural Equation Modeling. *Journal of Statistical Software*, 48(2): 1–36.

Satorra A., Bentler E.M. (1988) Scaling corrections for chi-square statistics in covariance structure analysis. *ASA 1988 Proceedings of the Business and Economic Statistics*: 308–313.

Schatz R., Staub E. (2003) Manifestations of Blind and Constructive Patriotism: Summary of Findings. In: *The Psychology of Good and Evil: Why Children, Adults, and Groups Help and Harm Others*. Cambridge University Press: 513–515.

Schatz R.T., Staub E., Lavine H.G. (1999) On the Varieties of National Attachment: Blind Versus Constructive Patriotism. *Political Psychology*, 20(1): 151–174.

Scheve K.F., Slaughter M.J. (2001) Labor market competition and individual preferences over immigration policy. *Review of Economics and Statistics*, 83(1): 133–145.

Scheepers P., Gijsberts M., Hello E. (2002) Religiosity and Prejudice against Ethnic Minorities in Europe: Cross — National Tests on a Controversial Relationship. *Review of Religious Research*, 43(3): 242–265.

Schneider. S.L. (2008) Anti-Immigrant Attitudes in Europe: Outgroup Size and Perceived Ethnic Threat. *European Sociological Review*, 24(1): 53–67.

Sears D.O., Funk C.L. (1991) The Role of Self-Interest in Social and Political Attitudes. *Advances in Experimental Social Psychology*, 24: 1–91.

Semyonov M., Glikman A. (2009) Ethnic residential segregation, social contacts, and anti-minority attitudes in European societies. *European Sociological Review*, 25(6): 693–708.

Semyonov M., Raijman R., Gorodzeisky A. (2006) The Rise of Anti- Foreigner Sentiment in European Societies, 1988–2000. *American Sociological Review*, 71(3): 426–449.

Solt F. (2011) Diversionary nationalism: Economic inequality and the formation of national pride. *The Journal of Politics*, 73(3): 821–830.

Tajfel H., Turner J.C. (1986) The social identity theory of intergroup behaviour. In: Worchel S., Austin W. (eds.) *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago: Nelson-Half: 7–24.

Taniguchi H. (2021) National identity, cosmopolitanism, and attitudes toward immigrants. *International Sociology*, 36(6): 819–843.

Widaman K.F., Reise S.P. (1997) Exploring the measurement invariance of psychological instruments: Applications in the substance use domain. In Bryant K.J., Windle M., West S.G. (eds.), *The science of prevention: Methodological advances from alcohol and substance abuse research*. American Psychological Association: 281–324.

Источники

Guia A. (2016) The Concept of Nativism and Anti-Immigrant Sentiments in Europe. *European University Institute Working Paper Max Weber Programme 2016/20* [https://www.mwpweb.eu/1/218/resources/publication_2596_1.pdf] (дата обращения: 13.06.2024).

Grigoryan L.K. (2014) National identity and anti-immigrant attitudes: The case of Russia. *National Research University "Higher School of Economics"* [<https://www.hse.ru/data/2014/12/14/1103522283/Download-2.pdf>] (дата обращения: 13.06.2024).

ISSP Research Group (2020) International Social Survey Programme: National Identity I–III — ISSP 1995-2003-2013. GESIS Datenarchiv, Köln. ZA5960 Datenfile Version 1.0.0 [<https://doi.org/10.4232/1.13471>] (дата обращения: 13.06.2024).

ISSP Research Group (2020) International Social Survey Programme: National Identity I–III ADD ON — ISSP 1995-2003-2013. GESIS Datenarchiv, Köln. ZA5961 Datenfile Version 1.0.0 [<https://doi.org/10.4232/1.13472>] (дата обращения: 13.06.2024).

Migration and migrant population statistics [https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Migration_and_migrant_population_statistics] (дата обращения: 13.06.2024).

Record arrivals on Western African route in October [<https://www.frontex.europa.eu/media-centre/news/news-release/record-arrivals-on-western-african-route-in-october-uNCHfO>] (дата обращения: 13.06.2024).

Temporary protection for persons fleeing Ukraine — monthly statistics [https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Temporary_protection_for_persons_fleeing_Ukraine_-_monthly_statistics] (дата обращения: 13.06.2024).

NATIONAL IDENTITY COMPONENTS AS PREDICTORS OF ANTI-IMMIGRANT ATTITUDES IN EUROPE: AN ANALYSIS BASED ON ISSP DATA

Simion O. Parvadov (sparvadov@eu.spb.ru)

European University at Saint Petersburg (EUSP), Saint Petersburg, Russia

Citation: Parvadov S.O. (2024) National identity components as predictors of anti-immigrant attitudes in Europe: an analysis based on ISSP data. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(4): 149–178 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.4.6> EDN: KVSHOX

Abstract. This paper examines how components of national identity are related to anti-immigrant attitudes in European countries at the individual level. The research literature on anti-immigrant attitudes was divided into material and symbolic explanations of group threats perception. In the formation of perceived material threats the role of subjective socio-economic status, professional qualification and education, and labor market protection was considered. Within the framework of the symbolic threat theory, national identity was presented, which was conceptually analyzed through the civic-ethnic dichotomy and by the comparative criterion of national pride. Based on the theoretical framework, hypotheses were put forward and tested on three waves of survey data from 20 European countries (total sample size N=30746) of the International Social Studies Program (ISSP 1995-2003-2013). Multi-group confirmatory factor analysis was performed to construct predictors, resulting in the identification of four national identity

components. The dependent variable “anti-immigrant attitudes” was constructed in the same way. The main method of analysis was multi-group structural equation modeling. In all three waves, political patriotism, economic security and respondents’ education level were negatively related to anti-immigrant attitudes. Ethnic and blind nationalism showed a positive correlation with the target variable. Cultural patriotism showed a positive correlation with the dependent variable for 1995 and 2003 and statistical insignificance for 2013. Metric invariance was established, indicating intergroup validity of the results over time. National identity components showed greater explanatory potential compared to respondents’ socio-economic characteristics, providing evidence in support of the symbolic threat theory.

Keywords: migration, anti-immigrant attitudes, national identity, symbolic threat theory, material threat theory, structural equation modeling, International Social Survey Program.